

«ВДОХНОВЕНИЕ», Сузунский район

Руководитель Раиса Петровна Кубасова

Клуб является добровольным общественным формированием, созданным на основе единства интересов его участников с целью реализации и удовлетворения своих творческих и духовных интересов вне зависимости от возраста.

Надежда Седова

Плат судьбы

Посвящаю матери, потерявшей на войне трёх сыновей, Марине Дранник из с. Харьковка Сузунского района

В церкви тихой трепетные свечи
За помин и здравие горят.
Здесь звучат особенные речи –
Люди с небесами говорят.

Вот старушка в траурном уборе
Ставит три свечи – за упокой.
Сколько боли плещется во взоре,
Слёзно затуманенном тоской!

Три сыночка... Веточки живые
Обломала страшная война.
Чуть трепещут свечи восковые
И звенит протяжно тишина...

Губы шепчут: «Я ли не молилась?!
Без молитвы не было ни дня.
Сыновей война не пощадила,
Лучше б забрала она меня!»

В чёрной шали женщина земная
Шепчет Богородице: «За что?!»
Тихо свечи воском оплывают...
Не ответит матери никто.

Годы не облегчат боль утраты,
Скорбный плат повязан до бровей.
В бой ушли жестокий безвозвратно
Миллионы наших сыновей!

Татьяна Самойленко

Как у Снеговичка выросли ножки

Выпал первый снег. Влажный, липкий. Из такого снеговиков лепить хорошо. Дети слепили во дворе Снеговичка. Там он и жить стал. Целыми днями смотрел он на ребятишек, слушал их весёлый гвалт, радовался их возне. И одно лишь его огорчало – сам он мог только безучастно стоять в сторонке. Днём ещё ничего, а по вечерам, когда оставался один, он совсем тосковал и очень досадовал, что ребята не догадались сделать ему ножки.

Зима между тем входила в силу. Крепчали морозы, снегу навалило столько, что его хватило и на огромную чудесную горку, и на затейливые неприступные крепости – на целый снежный городок. Много новых развлечений появилось у дворовых детишек: кто на санках катается, кто – на лыжах, на коньках, кто штурмом берёт крепость «противника». Совсем забыт, заброшен оказался заваленный снегом неуклюжий снеговик в углу двора. Уныло опустился его морковный нос.

Однажды прямо на шляпу-ведро уселась сорока и застрекотала:

– Стоишь? Ну, стой, стой! Другие бегают, резвятся, а ты остолоп-остолопом. Прошёлся бы хоть вечером по улицам – красота какая! А так проторчишь тут до весны, а там и... тю-тю – растаешь!

От обиды у Снеговичка по мёрзлым щекам потекли угольные слёзы:

– Хорошо тебе, трещётка! У тебя и лапки, и крылышки! А тут маленькие хоть бы ножки были! Никто не догадался сделать их мне...

– Чепуха это всё! Чепуха, – пуще прежнего затароторила сорока, – я вот точно знаю, если б ты очень-очень захотел ходить – да ноги сами бы выросли, сами бы!

Как ни добр был сердцем Снеговичок, а на такие глупые слова рассердился. Так рассердился, взмахнул своей метлой и прогнал надоедливую птицу.

На следующий вечер, когда двор совсем опустел, он услышал плач. А прищурившись, увидел, что в другом углу двора барахтался в большой снежной яме мальчишка Славка. Залезть-то он туда залез, а выбраться не мог никак. Друзья подумали, что он, балуясь, барахтается – и разбежались по домам, когда их позвали родители. А Славкины мама и папа так увлеклись новым телевизионным фильмом, что совсем забыли про сына. А он плакал в яме всё громче и звал на помощь.

Снеговичку было очень жаль его. Так жаль, что он почувствовал нестерпимое желание – побежать к Славке и помочь ему. Желание это было таким сильным, что он, качнувшись, сделал шаг вперёд. Сделал и остолбенел. Остолбенел от собственного безрассудства. «Чем это я шагнуть мог?!» – взглянул вниз и увидел под собой маленькие, хорошенькие, ловкие, снежные ножки. «Неужели эта легкомысленная болтушка правду сказала?»

Но думать дальше о сорокиных словах было некогда – Славку надо было спасать.

Ухватившись за черенок метлы, он выбрался из ямы, и слёзы его моментально высохли. Он затормошил своего спасителя, и, взявшись за руки, они весело закружились по двору. Они встречались потом каждый вечер: мальчик, который благодаря Снеговичку не простудился и не заболел, и Снеговик, который благодаря мальчику научился ходить. Они стали большими друзьями.

Нина Ильиных

«В чём, женщина, сила твоя?»

Тётка Дуня была, в общем-то, довольна: торговля шла успешно, несмотря на мороз. Всё, что она привезла на базар в Черепаново, продано: и самосад, и домашний картофельный крахмал, и две тушки баранины. Осталось кое-что по мелочам. «Постою ещё часок да пойду на квартиру, а поутру домой, в Шипуново», – думала она.

Шла война. Тётка Дуня жила с детьми да мамой-свекровкой на Заковряжинском кордоне. Мужики все на фронте, но она всё равно держала хозяйство: ведь «живая копейка» всегда нужна, уже были спланированы кое-какие покупки.

– Привет, Дуняша, – ход её мыслей прервал мужской голос, от которого женщина невольно вздрогнула. А когда увидела подошедшего к ней мужика, то и вовсе чувства в ней смешались – и радость, и страх.

Перед ней стоял бывший зять – муж одной из сестёр – Иван, или, как его звали односельчане, Чибис. Ещё до войны он появился в селе, пристроился к Дуняшиной сестре, нажили сына... Но какой-то хитрый, загадочный был этот человек.

Да и о его прошлом ничего не было известно. Мог неделю лежать на печи, потом исчезал на пять-шесть дней. Не дружил с местной властью. Вот уж лет шесть-семь его вообще в деревне не было. Разное говорили про него...

Его глаза быстро оглядели прилавок, за которым стояли женщины, он вертел головой, поглядывая по сторонам, без промедления спросил у тётки Дуни, когда она домой и не прихватит ли его в деревню? Опешившая женщина возьми да и скажи, что завтра утром. Не успела она осознать и пожалеть о том, что сказала, как Чибис исчез.

Тётка Дуня расстроилась: какое-то предчувствие закралось в душу. Пришла на квартиру и рассказала хозяину, у которого остановилась, о встрече с бывшей «роднёй», высказала свою тревогу...

До свету разбудил её хозяин:

– Вставай, Дуняша, коня я уже запряг. Езжай раньше, не жди своего земляка!

Только хозяин открыл ворота, чтобы отправить гостью, а Чибис – тут как тут. Куда деваться: усадила его тётка Дуня в передок саней, а сама коленями наступила на полу тулупа, в который надёжно завернула гостенька, и тронулась в путь. Отдохнувший сытый жеребец легко побежал домой.

Только выехали за Черепаново – впереди на дороге увидела Дуня одинокую мужскую фигуру. Поняла, что это дружок Чибиса, и что планы-то у них поганые. Ради тех копеек, что выручила она на базаре, ради выхолненного Воронка пойдут эти два мерзавца на всё. Стала с конём разговаривать: отдохни, мол, давай пойдём пешком, а сама сдерживает жеребца. А как только осталось до путника пять-шесть метров, не пожалела, вдарила жеребца по коленям, знала, что не любит Воронок такую процедуру. Понёсся конь во весь опор, отлетел путник с дороги. Понял Чибис, что не удалось его сообщнику

схватить коня под уздцы, решил вырвать вожжи, но на то она и русская баба: схватила черенок бича да давай им по голове супостата лупить. Прикрыл тот голову руками, изловчилась тётка Дуня, да и вывалила мошенника из саней. А сама давай коня кнутом охаживать.

Оглянулась, убедилась, что нет погони, но кнута из рук не выпустила. Так и домчал её Воронок до первой деревни. Дала тётка волю слезам. Благополучно добралась до Шипунова, а потом и до дома в лесу. Ничего не рассказала своим домашним, лишь к Воронку стала чаще подходить: то ведро овса даст, то по шее погладит – то ли прощения просила, то ли благодарила его. От одной мысли, что бы с ней сделали эти нелюди, её бросало в жар.

Не прошла и неделя после той поездки на базар, как на кордон, в дом, где они жили, явился Чибис.

– Я в гости к тебе, Дуняша. Чаем угостишь?

Загнала она маму-свекровку с тремя малыми детьми на русскую печь. Усадила гостя за стол, налила чая.

– Пойду дровишек принесу со двора, – сказала хозяйка, набросила телогрейку и вышла.

Не успел гость чашку чая выпить, как отворилась дверь, и вместе с клубами холода в дом влетела огромная собака, ростом с телка. Хозяйка держала его за ошейник, но ясно было, что собака – зверь: при виде гостя на загривке шерсть поднялась, рычание вырвалось из огромной пасти.

– Забудь про нас. Одевайся и уходи, не то сейчас собаку спущу.

Трясущимися руками Чибис взял со скамьи свою выдавшую виды шапку и боком, боком стал добираться до двери. Внутренний колотун бил всё бабье тело, но рука крепко держала ошейник собаки.

Чибис выскользнул за дверь, быстро сбежал с крыльца и почти бегом рванул по санному следу назад.

– Господи! – простонала, но с нотками радости сказала хозяйка, привалившись к холодному косяку двери. Ноги, обу-тые в подшитые старые валенки, подкашивались.

Собака то рванётся и грозно (теперь уже больше для по-рядка) подаст голос в сторону пришельца, то вильнёт хвостом, встанет на задние лапы и лизнёт хозяйку. Слёзы радости, по-беде – выстояла, победила! – текли по лицу Дуни.

Евгений Назимко, с. Шайдурово

Не я придумал любить Россию...

Не я придумал любить Россию,
Где год за годом всё ждут Мессию,
Где для молитвы нужна икона,
Где справедливость важней закона.
Где мчат нас кони простором поля.
Свободы мало, нужна нам воля...
За далью дали и не отсюда ль –
В России храбрость зовётся удаль.
Здесь на Крещенье трещат морозы,
На окнах в избах рисуя розы.
И птицей с горки летят салазки,
А кот учёный мурлычет сказки.
Здесь вся в иконах в избе божница.
От тёмных ликом светлеют лица.
Здесь развернутся меха баяна,
И станет песней на сердце рана...
Не я придумал любить Россию,
Где почитают святой Софию.
Где греют душу, как плоть одежда,
Любовь и вера... На них надежда...

К Пушкину...

Мне нравится осенний мокрый сад,
Когда над головой грохочут грозы,
А ветер треплет клёны и берёзы,
И листья, словно фантики, летят.

Как ни прекрасно летом и весной,
Нам эта грусть, раз в год, необходима.
Была когда-то Пушкиным любима,
Ну а теперь она любима мной.

Бродя по листьям мокрым от дождя,
Любуясь красотой увяданья,
Поэта разделяю ликованья,
Его стихи по памяти твердя.

От речи русской веет стариной.
Осенена крылами Серафима,
Была когда-то Пушкиным любима,
Ну а теперь она любима мной.

Давным-давно, когда я был дитя,
Мне бабушка рассказывала сказки.
В них радужно переливались краски,
В подлунный мир жар-птицею летя.

Те сказки, прозвучав порой ночной,
В сон перейдя, вдруг становились зримы,
Когда-то были Пушкиным любимы,
Ну а теперь они любимы мной.

На ловлю птицы-счастья и чинов
В Европу едут русские Дантесы.
Мы поменяли роли старой пьесы,
Россия, отпусти своих сынов.

А мне не надо Родины другой.
Такой – без сарафана и без грима,
Была, когда-то, Пушкиным любима,
Ну а теперь она любима мной.

Детство

На речке под ракитовым кустом,
Где с плеском карасей гоняет щука,
Всё утро просижу вдвоём с котом,
Закинув удочку из жёлтого бамбука.

И сядет мотылёк на поплавок,
По броду проведёт мужик подводу,
И пескари сплывутся на плевок,
И из тетрадки с двойкою листок
Сложу в кораблик и спущу на воду.

Реки равнинной тихое течение
Пусть унесёт из жизни огорчения.

И разогнав в поля велосипед,
Спою фальцетом арию Карузо,
Среди ромашек брошу старый плед,
Открою томик «Робинзона Крузо».

Есть время почитать и помечтать,
И жизни окончанья не видеть.